

Анна Козлова

Улитка

Рассказ

— Мне, пожалуйста, салат с крабом и... — Аня посмотрела на официанта с тревогой, — может быть, еще крабовый суп... Если он не жирный.

Официант заверил, что, конечно, нет. Зоя выбрала гамбургер и коктейль «Ванильное небо». Иван собирался сообщить о желаемой степени прожарки рыбы, когда зазвонил телефон.

Иван встал из-за стола и прошел к гардеробу, чтобы никому не мешать.

— Але.

Надя сказала, что Рому сбила машина. Он в реанимации. Иван спросил, в какой больнице?

— Всемигтервой.

Он вернулся за стол, Зоя раскрашивала семейство обедающих зайцев, сильно нажимая на серый карандаш.

— Что-то случилось? — спросила Аня.

— Рома... в больнице.

— О, Господи!

— Рома? — Зоя посмотрела на Ивана, потом на Аню, взяла красный карандаш и начала раскрашивать фартук мамы-зайчихи, подававшей суп.

— Его сбила машина.

— Какой кошмар! Ты поедешь?..

Иван неопределенно пожал плечами.

— Хочешь, я с тобой?..

— Нет, — сказал Иван.

Он поцеловал Зою и, провожаемый горестным взглядом Ани, которой трагедия испортила аппетит, вышел из ресторана.

В приемном отделении сидела Надя. Несмотря на осень, на ней было платье с коротким рукавом, застегнутое посередине на круглые золотые пуговицы, из-под платья вылезали толстые белые икры. Надя была похожа на сердитую школьную уборщицу.

Анна Козлова родилась в 1981 году в Москве. Автор семи книг и многочисленных кино- и телесценариев. Лауреат премии «Национальный бестселлер-2017» за роман «F20», опубликованный в журнале «Дружба народов» (2016, № 10). Предыдущая публикация в «ДН» — сценарий для чтения «Чёрная дыра» (2018, № 6).

— Ну что? Как он? — спросил Иван, опускаясь на стул, стоявший через стул от Нади.

— Его оперируют! — громко, с надрывом ответила она.

Взглянув на Ивана, она добавила так же громко:

— Больница просто отвратительная! В «скорой» мне намекали, что могут отвезти его в *нормальное* место, но, естественно, за деньги! У меня нет денег! Я ращу сына одна!

Иван молчал.

Операция длилась четыре часа. Вышедший к Ивану и Наде врач сказал, что, к сожалению, ходить Рома не будет.

— К нему можно? — спросила Надя.

Врач сказал, что нет.

Когда Иван приехал домой, Зоя уже спала. Он рассказал Ане, как прошел его день, и она заплакала. Иван предложил ей сходить за вином. Они дошли до винотеки в соседнем переулке, где персонал проявлял неумную любезность. Но попросить их отвалить было невежливо, они просто делали свою работу и не обязаны были знать, что старший сын Ивана сегодня стал инвалидом. Аня выбрала тосканский верментино (маслянистый, с отчетливыми нотками дыни), дома она порезала к нему козий сыр и положила в вазочку миндаль. Они пили вино и обсуждали случившееся. Аня считала, что слова врача не приговор. Существуют другие клиники и другие врачи. Можно поехать за границу, все, в конечном счете, упирается в деньги. Иван любил Аню за удивительную способность находить надежду там, где ее не было. От вина и разговоров с ней он успокоился.

В полвторого ночи позвонила Надя. Иван оцепенел — ему казалось, сейчас она скажет, что Рома умер, но она сказала:

— Когда завтра поедешь в больницу, купи туалетной бумаги.

— Хорошо, — сказал Иван.

— И кстати! Ты можешь купить зарядку для телефона? У него сломалась зарядка.

— Какой у него телефон сейчас? — спросил Иван.

Надя презрительно фыркнула.

— Ху-а-вэй!

— Что? — взволнованно спросила Аня.

— Надя просит туалетной бумаги, — сказал он.

Аня шумно вздохнула. Иван привычно задал себе вопрос, который много раз задавал: как он мог связаться с этой женщиной?

Обычно, оправдываясь перед самим собой, он, как старый маразматик перед сельской дурочкой, разводил перспективу. Было другое время, другие ценности, другие стандарты женской привлекательности — словно начинал обстоятельный рассказ. В девяносто восьмом году Надя работала на телеканале, о существовании которого никто уже не помнит, — вела новости. Ее эфир начинался в шесть утра. Надя носила длинные платья в русском стиле, у нее была коса цвета белого хлеба, казалось, древняя славянская богиня пришла в эфир, чтобы рассказать про ночные бои в Грозном или перестрелку в Солнцево. Она была странной, но сквозь эту странность к тебе как будто присматривался большой талант, пускай болезненный, тяжелый, мрачный, но разве большой талант бывает другим? Разве бывает рядом с ним легко? Разве он греет? Разве веселит?

Их познакомила общая подруга на вечеринке, где сначала так громко играл транс, что говорить не имело никакого смысла, а потом музыку выключили, и все почему-то стали играть в игру «три вопроса», первый вопрос звучал: какое ты животное?

Потом были две недели, мнение насчет которых у Ивана впоследствии колебалось от одного до десяти по шкале счастья. 10 — очень счастливые четырнадцать дней. 8 — просто много секса. 6 — на самом деле, два дня было хорошо, потом началась херня. 4 — хорошо было один день, тринадцать дней было стыдно. 2 — откровенно говоря, это был совместный запой. 1 — лучше бы этого никогда не было.

Но все эти оценки, приступы вины и стыда, ужас от содеянного пришли потом. Две недели Иван был с Надей, он исследовал ее, они пили вино, трахались, обсуждали предложение, поступившее ей от телеканала: вести новости уже не в шесть утра, а в девять.

Расстался он с ней дружелюбно и не окончательно, как бы потом ни убеждал себя в обратном. Напротив, он определил ее как женщину, к которой можно время от времени захаживать, и тот факт, что теперь она будет вести новости не в шесть, а в девять, вполне возможно, заставил бы его навещать чаще. Но спустя месяц она позвонила:

— Слушай, кажется, я беременна.

Иван знал, сколько стоит аборт, и приготовил деньги.

И все же, пока он ехал к ней по пробкам, пока думал, что купить — цветов или вина, пока поднимался по лестнице ее пятиэтажки, где на батареях сидели похожие на меховые шапки коты, в нем зрела и наливалась жизнью надежда. Она была неясной, как природа Надиного таланта, сбивчивой, как первые кинохроники, но он видел черно-белые кадры будущего, в котором был его ребенок и в котором он сам был счастлив.

— Ваня! — шептала Надя, сжимая его руку. — Я понимаю, что мы не думали... не планировали стать родителями, но что же делать, раз так получилось? Это судьба.

Ивану разрешили пройти к Роме. Он остановился перед койкой и неловко улыбнулся.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила Рома.

— Как ты... тебе что-нибудь нужно?..

— Пап, — сказал Рома, — тут делать вообще нечего. Купи мне книгу по авиамоделированию.

На обратном пути из Дома книги Иван встретился с водителем той машины. Водителем оказалась женщина, Кудимова Татьяна Ивановна, 1968 года рождения, мать двоих детей и бабушка одной внучки. Татьяна Ивановна за месяц до трагедии кое-как сдала на права, чтобы возить внучку, как она выразилась, «на развилки».

Также она обстоятельно рассказала, как взяла в кредит с тридцатипроцентным первоначальным взносом двухлетний «рено-логан» на ручной коробке, какой был ужасный перекресток, как занесло логан и как она сигналила и кричала, но Рома не слышал, потому что был в наушниках.

Наступила зима. Аня приезжала в больницу, напрягала своего папу, который переводил заключение на немецкий, а потом часами за свой счет беседовал с немецкими врачами. Немецкие врачи собирали консилиум и проводили его в скайпе, педантично объясняя Аниному папе, что речь может идти о том, чтобы Рома сидел, но никак не о том, чтобы ходил. И даже в этом случае цена вопроса превышала двести тысяч евро.

Тогда Аня позвонила своей подруге Риве, уехавшей в Израиль, и уже Рива переводила заключение врачей с немецкого на иврит, и уже израильские врачи рассматривали случай Ромы, но и они не могли поставить его на ноги.

Иван получил рекомендации по уходу за Ромой, в специализированном магазине

купил кровать для парализованных людей. В квартире Нади, которую он некогда купил, пахло мертвой кошкой.

Он не любил туда приходить, это место было физическим, неумолимым подтверждением совершенной им ошибки. Особенно кухня, которую они долго вместе выбирали. Надя хотела, чтобы был массив дерева и натуральный мрамор, это было важно. Наконец они с Иваном остановились на итальянской кухне из тиса, фасады шкафчиков и столешница были выдержаны в светло-бежевой гамме. Кухню установили за день до рождения Ромы. Потом, в заботах «о малыше», Надя полностью утратила интерес к интерьерам. На мраморной столешнице прочно обосновались следы отрывки и овощного пюре. Позже к ним добавились темные кружки от винных бутылок, которые логично привели квартиру к запустению. Столешница из мрамора оказалась расколота в нескольких местах, а купольную вытяжку из нержавеющей стали Надя вырвала из стены и выкинула на балкон.

Иван с помощью присланного из фирмы рабочего установил кровать, уложил на нее Рому и вышел из комнаты. В коридоре стояла Надя. Она ждала его, чтобы отвергнуть предложение поехать в Израиль.

— Там идет война! — а также попросила Ивана перестать подсылать к ней «эту суку, которая желает смерти ей и ее сыну».

В машине Иван вспомнил, как после рождения Ромы умолял ее взять няню и вернуться на работу.

— Ты знаешь, — говорила она, — беременность и роды что-то пробудили во мне... какую-то мощную энергию, которая раньше как будто дремала, а теперь я так ярко вижу цвет... я так хочу писать...

Спустя год Надя показала Ивану холст, в который вложила всю пробужденную материнством энергию.

Иван смотрел на желтый блин солнца на однообразном синем фоне, под солнцем располагалась фигура с поднятыми руками. Он мучительно размышлял, что сказать, но Наде оказалось достаточно и его молчания.

— Я не думаю, что заслужила твое презрение! — воскликнула она.

Пока Иван завязывал шнурки на ботинках, она говорила, что он обманул ее, предал, заставил родить сына, которого она теперь растит одна. Что он использует людей, которые ему доверились, что он не поддерживает ее, что другой мужчина на его месте предложил бы сделать выставку за свой счет, а он может только обесценивать.

— Ты разрушаешь все, к чему прикасаешься! — с этими словами Надя выбросила холст на лестницу.

Дома Ивана ждала Аня.

— Как ты думаешь, а в Германию она согласится? — спросила она.

В Германию Надя согласилась.

Татьяна Ивановна Кудимова не унималась. Она продала свой «рено-логан» и отдала Наде все деньги. Рома переходил в неполюженном месте, и учитывая все обстоятельства, уголовной ответственности Татьяна Ивановна избежала, но сердце у нее было не на месте.

Спустя два месяца после инцидента и месяц после возвращения из Германии, когда уже стало понятно, что никакие врачи ничем не помогут, она вдруг позвонила Ивану и, запинаясь, попросила «на пять минут увидеться». Аня предложила позвать ее в гости.

Татьяна Ивановна совершенно серьезно сказала, что есть одна «бабушка», много чего «умеющая», она лично знает людей, которым та помогла. Она положила на стол клетчатый листок, на нем был написан адрес: Смоленская область, д. Чертково, Денисова Ангелина.

— Хорошая в принципе тетка, но сумасшедшая, — сказал Иван, когда Татьяна Ивановна, трагически перекрестившись, ушла.

Аня промолчала.

И только ночью, в постели, она стала говорить, что она просто хочет быть счастливой, хочет, чтобы счастливой была Зоя, но не получается, ни у кого из них не получается.

— Ты хочешь, чтобы я отвез его... к бабушке? — изумленно уточнил Иван.

— А что нам терять, Ваня? — резонно спросила она. — Может быть, это шанс.

За дверью послышалось сопение, и в комнату вошла, топая, Зоя. Она залезла в кровать, обняла Ивана и заплакала.

Она так и заснула, обнимая Ивана, и ночью он отнес ее в детскую. А потом лежал рядом со спящей Аней и думал, что свое счастье с ними он оценивает на 9 по десятибалльной шкале. Единственным, что омрачало это счастье, был Рома.

Весь следующий день Иван с Ромой ехали.

Несмотря на Анины попытки привадить его к дому и сделать своего рода «приходящим» членом семьи, он оставался чужим, он не вписывался в жизнь и говорить с ним было не о чем.

Низкая оценка ее творчества Иваном отбила у Нади всякую охоту к живописи, но жить было надо, и она требовала денег. Когда родилась Зоя, Надины ставки повысились. Если Иван приносил не так много, как она хотела, она бросалась в него купюрами.

Он перестал давать ей деньги. Надя тем не менее умудрялась добывать телефоны, по которым Рома звонил и после долгой паузы сообщал:

— Папочка... мне нечего есть.

Чтобы хоть как-то сократить пропасть между братом и сестрой, Аня покупала Роме вещи (наушники и телефоны он терял или ломал), водила в «приличную» парикмахерскую (обычно он сам стриг себе челку маникюрными ножницами), а когда у него начались подростковые прыщи, отвела к косметологу, который выписал рецепт на десять тысяч. Аня купила лосьоны, присыпки, притирки, таблетки и микстуры, а также написала Роме подробную инструкцию, как все это использовать. Через несколько дней Иван заехал к Наде и увидел лежащий на дне грязной ванной открытый тюбик трехтысячного геля для умывания — гель почти полностью вытек, образовав засохшее желтое пятно, чем-то напоминавшее солнце с Надиного холста.

В деревню Чертково они добрались к вечеру. Точного адреса не было, не было людей, чтобы спросить. Иван уже хотел развернуться и уехать, когда Рома показал на дом, около которого стояла толпа человек в сорок. Иван вышел из машины. На него с неприязнью смотрели замотанные в платки старухи, дети, которых держали на руках неопределенного возраста расплывшиеся женщины.

— Здесь живет Ангелина Денисова? — в полной тишине спросил Иван.

И тут же раздались голоса. Они кричали про очередь, что надо записываться, что сегодня никого не принимают. Вдруг дверь дома открылась, на крыльцо вышла невысокого роста, крепко сбитая женщина лет пятидесяти. Голоса замолкли. Женщина водила по толпе глазами, и каждый с надеждой поворачивался к ней, но ее взгляд остановился на Иване, и она кивнула ему.

— Я думал, вы старше, — сказал Иван, когда она провела его в дом и уселась на диван под ковром с бегущими оленями.

— Ты по какому вопросу? — спросила она, оставив его слова без внимания.

— У меня сына сбила машина, врачи сказали, он не будет ходить.

Она неопределенно пожала плечами.

— И мне дали ваши... контакты... И вот... я здесь. Мы здесь.

Она молчала очень долго, уставившись на фикус, который рос в кадке около низкого деревенского окна. Все так же молча она достала из кармана гладкий речной камушек и протянула его Ивану. Он взял его и держал в руке, пока она не сказала:

— Отдай мне.

Иван протянул ей камушек, она осторожно, двумя пальцами, взяла его и положила в рот. С камнем во рту она сидела еще минут пять, после чего выплюнула его на ладонь и снова сунула в карман.

— Судьба у него плохая, — она заговорила быстро, как будто боялась забыть что-то важное. — Ты ему не поможешь, лучше ты ему место хорошее подыщи, чтоб не на глазах он был...

Ивана переполняло бешенство. Он вскочил с дивана и направился к двери.

— Стой! — крикнула она.

Иван остановился. Когда он обернулся, она стояла в сантиметре от него. От неожиданности он вздрогнул.

— Я смогу ему помочь.

Она вздохнула:

— Если ты действительно хочешь.

— В каком смысле?

— В том смысле, что я бы этого не делала.

— Сколько? — спросил Иван.

— А ты много готов отдать за него? — спросила она.

— Все, что угодно, — ответил Иван.

— Ну, ты сам решил, — она грустно улыбнулась. — И ерунду какую-нибудь: тыщ триста на сберонлайн кинь.

Пока Ангелина Денисова осматривала Рому в комнате на первом этаже, Иван, матерясь на долгий деревенский интернет, переводил ей деньги. Им с Ромой выделили холодную комнату под крышей, в которой стояли две узенькие кровати и замерзали стекла в окне. Осмотр длился долго, Иван задремал. Он проснулся ночью: Ангелина без стука зашла в мансарду и сказала, что Рому можно унести.

Когда Иван, преодолев лестницу с сыном на руках, наконец уложил его в кровать и упал на соседнюю, Рома сказал, что хочет уехать. Это не слишком удивило Ивана: к тому, что Рома все делает назло, он привык, — скорее, что-то настораживало в его интонации.

— Папа, я лежал на животе, там, у нее в комнате, она сказала, что нужно пригласить других... тех, кто знает... я думал, она не в себе, а потом... Папа... кто-то еще пришел, двое, я их не видел... я не мог повернуть голову... они сидели у меня на спине... И она их спрашивала, могут они мне помочь или нет... Они были холодные... они трогали мою спину... я чувствовал их... лапы.

Иван молчал. В нем закипало привычное раздражение, бешенство, которое он наловчился за четырнадцать лет скрывать: не открывать рта, не обращать внимания. Он вдруг вспомнил желтое пятно геля для умывания на дне ванной, расколотую столешницу из натурального мрамора, сломанную зарядку к телефону (Ху-а-вей!) и голос из собственного телефона (Папочка, мне нечего есть). На несколько минут, о которых он потом пожалеет, он прекратил быть человеком, мужчиной, отцом: предохранитель, сделанный из свинцового чувства вины, слетел с резьбы, и злоба, ярость, ненависть, зревшие четырнадцать лет, выплеснулись из него.

Утром Иван попытался завести разговор с Ангелиной Денисовой, когда она явилась за Ромой.

— Послушайте, — сказал он, нелепо загораживая сына, которому вчера орал, что проклинаят день его рождения, — вы... вообще уверены, что не нанесете ему... вреда?

— Ему — да, — сказала она.

Следующие дни прошли словно в бреду. Утром Ангелина требовала спустить Рому вниз и запиралась с ним в комнате. Она предупредила Ивана, чтобы он ни в коем случае не заходил туда. Иван сидел наверху, около ледяного окна, слушая нечеловеческие крики сына. Он не знал, что происходило с ним, он не хотел знать. Несколько раз звонила Аня, Иван пытался привычно уцепиться за нее, припасть к той счастливой, настоящей жизни, которую она для него олицетворяла, но ничего не получалось. Аня таяла, ее слова казались фальшивкой, ее беспокойство — ложью, ему хотелось заорать на нее, спросить, как она может рассказывать про успехи Зои на рисовании, когда он здесь?..

Рома больше не разговаривал с ним. Иван извинился перед ним за свои слова, но извинение было такой же фальшивкой, как то, что говорила Аня про рисование. Как он мог извиниться, если не раскаялся? Как извиниться за то, что думаешь на самом деле? Как извиниться за то, что не любишь?

Каждую ночь Ивану снилось, что дверь открывается без стука и в комнату входит голая Ангелина Денисова с распущенными волосами. Во сне она подходила к его кровати, и ее бедро, с мраморными прожилками вен, оказывалось перед его лицом. Он протягивал руку, чтобы коснуться, а потом она взгромождалась на него верхом и скакала на нем, как будто скрывалась от погони. В этом мучительном повторявшемся сне Иван был мокрой простыней, которую она скручивала, выжимая до последнего, высасывая из него жизнь и бережно слизывая языком пролившиеся капли.

Он просыпался разбитым, подолгу не мог встать, потому что кружилась голова. Никакой Ангелины рядом, конечно, не было. Она приходила утром, одетая, и теперь уже сама таскала Рому по лестнице. Ему стало очевидно лучше, теперь он мог сидеть и поворачиваться. После слов, которые Иван сказал в глаза парализованному сыну, чувство вины странным образом испарилось. Его перестали мучить воспоминания о мерзостях Нади, и пришли другие воспоминания. Все чаще он думал о черно-белой надежде, которая вела его к Наде через пробки с деньгами на аборт. Он привык думать, что она была фальшивкой, что она обманула его, но в ледяной комнате, в деревне Чертково выходило, что она одна и была истинной. Он думал о вопросе, который задала ему Ангелина Денисова: что он готов отдать за Рому? — и вполне трезво, хоть и без особого удовольствия отвечал сам себе, что она имела в виду не деньги.

В один из дней он спустился по лестнице и подошел к двери в комнату на первом этаже. Он стоял под дверью, малодушно не решаясь войти, и прислушивался к стонам Ромы. Когда стон затихал, становилась слышна песенка, напеваемая каким-то надтреснутым, разорванным голосом.

— Лунная ночь, лунная ночь, — пел голос, — нагишом воздушную ванну принимает улитка...

Спустя неделю Иван мог надеть свои брюки, не расстегивая. Он мог бы поместиться в них два раза. Он почти не вставал — лежал в брюках на кровати, телефон разрядился, но у него не было сил поставить его на зарядку. Однажды в комнату вошла Надя. Она села на краешек его кровати, долго молчала, а потом стала плакать и благодарить его за то, что он ради нее делает.

— Ты тут не при чем, — сказал ей Иван.

Надя исчезла, и он стал мучительно вспоминать, кто она такая, и вдруг увидел комнату, в которой секунду назад затихла музыка, но воздух словно еще дрожал, увидел Надю, сидевшую на подоконнике, и других людей, задававших друг другу вопрос: какое ты животное?

И когда очередь дошла до Нади, она тихо сказала:

— Я — улитка.

— Если ты улитка, то где твой панцирь? — поинтересовался какой-то мужчина.

— Я улитка без панциря, — прошептала Надя, глядя Ивану в глаза.

В этот момент он с абсолютной ясностью понял, что умрет. Это не испугало его, не возмутило, не вызвало сожалений. Единственное, что он почувствовал в связи с этим, было острое желание увидеть, почему он согласился это сделать. Иван свалился с кровати на пол и, подтаскивая ноги, которые больше его не держали, как улитка, пополз вниз. Туда, где за закрытой дверью кричал его сын.

Путь по лестнице занял вечность, Иван совсем выбился из сил. Руки Ивана были слишком слабы, ноги тоже, он двигался грудью и животом, подтягивая себя и проталкивая вперед. Его прошиб пот, пот сочился из него, и казалось, он оставляет за собой липкий скользкий след.

Наконец он приблизился к двери в комнату на первом этаже, преодолевая себя, делая нечеловеческое усилие, приподнялся, чтобы схватиться за ручку, и распахнул дверь.

Он увидел Рому на деревянном столе, лицом вниз. Кожа вдоль его позвоночника была разрезана и вывернута, как будто он был не мальчиком, а мясным пирогом. Возле Ромы на столе сидели двое: один был серым, с надутым, бугристым животом, с желтыми клыками, другой — коричневый, с иссушенной, пергаментной кожей и загнутыми назад рогами, которые росли из сплюсненной, как будто истоптанной копытами головы. Серый вытаскивал из раскрытого позвоночника Ромы прозрачные нити нервов, распутывал своими длинными пальцами узелки, а коричневый сшивал их заново изогнутой, как месяц, иглой. Он хрипло напевал:

— ... как твоя тень ползет за тобой, как твоя тень ползет за тобой...

Рядом, в кресле, сидела Ангелина Денисова, она смотрела на Ивана. Серый и коричневый тоже уставились на него. Вместо ужаса, который он должен был испытывать, Иван почему-то ощутил восторг от того, что видит таких необыкновенных существ. Он смотрел в раскосые, как у лаек, глаза серого и коричневого, как будто задавал им вопрос, ответ на который уже знал. Серый отвернулся, как будто ему стало неловко за Ивана, а коричневый задумчиво ковырял в клыках своей изогнутой иглой. Зрачки у него были вытянуты, как у козы, и в их угрюмой черноте заключалась истина, которую Иван и так знал.

За секунду до смерти Иван понял, почему совсем не боится серого и коричневого, он понял, что несмотря на устрашающий вид, они ничего не могут ему сделать. Потому что делается лишь то, что делается добровольно, берется лишь то, что отдают.

Глаза Ивана зачесались, как будто в них накапали шампуня, а потом начали вылезать из черепа, и он испугался, что они вывалятся на пол, но оказалось, что под ними были ножки, эти ножки распрямились, и теперь Иван мог видеть комнату панорамно, со всех углов. Он сделал шаг, хотя у него не было ног, он чувствовал ладонями холодный пол, несмотря на то, что рук у него тоже не было, у него не было голоса, но он сказал, что готов.

Тогда Ангелина Денисова встала из своего кресла и пошла к нему. Чем ближе она подходила, тем больше становилась. Ее ноги в бархатных истертых тапочках уносились ввысь, росли подошвы тапочек, приставшие к ним комочки пыли становились деревьями, от шагов сотрясалась земля. Она наклонилась к нему и забрала его панцирь. Говорить с Ромой ей не хотелось, поэтому она написала ему записку: как пройти от ее дома на станцию.